

Глава 3. Пролог. Династия Великая Ли (3)

Десять лет пролетели как один миг. Новая власть железной рукой выкорчевывала сорняки изживших себя законов: налоги таяли, приграничные рубежи крепили, а торговые пути наполнились караванами. Народ, хоть и не купался в роскоши, наконец-то перестал засыпать и просыпаться с одной лишь думой — как не умереть с голоду.

Накануне великого торжества в честь десятилетия воцарения династии император Ли Чжэн, массируя виски, отослал прочь молодого евнуха, пришедшего с подносом костяных табличек с именами наложниц, ожидавших внимания. Старый слуга Фуань, привыкший к подобному, лишь многозначительно кивнул юнцу, веля тому убираться.

— Почему Ваше Величество вновь изволит оставлять наложниц в одиночестве? — вкрадчиво поинтересовался он.

— У меня горы отчетов, которые я не успеваю разобрать, — бросил Ли Чжэн, не глядя на него. — Где мне найти время на всех этих «пташек»? Посмотри сюда: глава Министерства ритуалов прислал докладную только ради того, чтобы отчитаться о пошиве новых чиновничьих халатов. К чему мне тогда Министерство финансов?

Этот повод был первым попавшимся под руку, и несчастный министр стал лишь удобной мишенью. Фуань, смиренно поднося чай, ответил:

— Прошу Вас, государь, не гневайтесь. Испите чаю, успокойте дух.

Ли Чжэн сделал глоток и отставил чашку. На самом деле он сам ввел это правило — движение каждой монеты в шести ведомствах должно было проходить через его личный контроль. Гнев был лишь ширмой.

— Позови мне князя Се.

Фуань на мгновение замялся.

— Но... уже миновал час Собаки. Боюсь, Се Чжэнь уже отошел ко сну. Если сейчас послать за ним, людская молва разгорится с новой силой.

— О? — Ли Чжэн вскинул бровь. — И что же болтают в народе?

Евнух низко склонил голову:

— Поговаривают, будто государь имеет пристрастие к «разрезанному рукаву» и делит ложе с князем Се...

— Значит, наши обсуждения государственных дел в глазах этих сплетников выглядят столь непристойно? — Ли Чжэн усмехнулся. — Фуань, скажи мне: если я перестану звать князя, разве слухи утихнут?

— Это...

— Слухи — удел глупцов, — отрезал император. Он смотрел с ледяной пронзительностью, а голос налился властью. — Позвать князя Се.

Фуань вздрогнул. Его шаги, когда он поспешно пятился к выходу, были непривычно неловкими.

Се Чжэнь еще не спал. Незадолго до этого он получил донесение от соглядатаев: Гун Фу, старший сын покойного герцога и ныне беглый преступник, объявился в столице.

Игра в кошки-мышки затянулась. Десять лет — слишком долгий срок; этого времени хватило, чтобы скрытая угроза обрела когти и клыки. Всё это время Ли Чжэн не прекращал поисков, посылая тайных убийц стереть само имя Гун Фу с лица земли, но тот ускользал. Если бы этот человек не решил сейчас оскалиться, он вполне мог бы доживать свои дни под чужим именем в какой-нибудь глуши.

— Он ждал десять лет, чтобы заявить о себе, — произнес Ли Чжэн, глядя, как вошедший в покои Се Чжэнь скидывает дорожный плащ. — Значит, либо он уверен в успехе, либо готов идти до конца, не щадя собственной жизни.

Се Чжэнь тонко улыбнулся:

— Чтобы идти на штурм, нужны силы. В десяти ли от столицы стоят три тысячи отборных гвардейцев Великой Ли. Если он решится напасть — даже в случае успеха его самого раздавят в лепешку.

Ли Чжэн залюбовался этой едва сдерживаемой остротой в облике князя. Сердце императора предательски дрогнуло — ему до безумия захотелось обнять его и поцеловать его иронично изогнутые губы.

— Раз ты здесь, я спокоен, — он подошел ближе к Се Чжэню.

Тот бросил на него быстрый взгляд и вернулся к делу:

— Будь я на месте Гун Фу, я бы выбрал завтрашний день. Во-первых, великое празднование — лучший повод, чтобы смешаться с толпой и усыпить бдительность охраны. Во-вторых, раз уж он

раскрылся, медлить нельзя: он будет бить быстро. — Се Чжэнь нахмурился. — А может... он и вовсе не боится моих шпионов, потому что уверен: завтра всё решится.

— Во время церемонии я поднимусь на городскую стену, чтобы вместе с народом смотреть на фейерверки. Это идеальный момент для удара. Будь осторожен, — Ли Чжэн мягко коснулся лба князя, разглаживая складку между бровей.

Се Чжэнь перехватил его руку и ответил с привычной язвительностью:

— Неужели Ваше Величество полагает, что рядом с такой мишенью, как император, чья-то еще жизнь будет стоять хоть ломаного гроша?

Вместо того чтобы беспокоиться о других, лучше бы подумал, как самому не поймать стрелу из темноты. Лицо князя оставалось мрачным. Гун Фу был где-то совсем рядом, под самым носом, но город словно проглотил его. Если бы только удалось найти их логово...

— Се Чжэнь — правая рука нового императора. Отрубить её — всё равно что убить меня, — Ли Чжэн привык к ершистости друга. Он притянул князя к себе и прошептал ему на ухо: — Если завтра что-то случится... как мне оставить тебя одного?

Се Чжэнь терпеть не мог подобных речей. Он гневно посмотрел:

— Раз уж ты так за меня боишься, не проще ли будет вместе отправиться на поклон к Яньвану?

Ли Чжэн на мгновение осекся, а затем рассмеялся:

— И то верно. Вместе умереть, чтобы вместе возродиться в следующей жизни. Оставь я тебя здесь, Гун Фу наверняка тебя обидит, а я этого не переживу.

Рассерженный Се Чжэнь, стиснув зубы, больно ущипнул императора за бок:

— Ты что, совсем заговорился?

Его слова звучали как колкость, но в этот момент они оба казались не правителями империи, а парой влюбленных, решивших покончить с собой. Нелепость, да и только.

Ли Чжэн охнул. За последние мирные годы он немного раздался, былая твердость мышц сменилась мягкостью, и щипок Се Чжэня оказался весьма ощутимым. Князь лишь победоносно вскинул подбородок.

Они просидели за обсуждением охраны, пока свечи не оплыли на две трети. Фуань зашел сменить огарки и снова исчез. Только тогда Ли Чжэн заметил, что полночь давно миновала.

— Уже поздно. Ложись здесь, — предложил император. — Я дочитаю последние свитки, а ты отдыхай.

Се Чжэнь кивнул. Усталость брала своё, а завтра предстоял тяжелый день; тратить лишний час на дорогу до собственного поместья было выше его сил.

Ли Чжэн велел Фуаню принести горячей воды для омовения. Евнух взглянул на ложе — на императорскую постель, где еще не спала ни одна женщина, — хотел что-то сказать, но, встретив суровый взгляд господина, поклонился и вышел.

«Единственный фаворит... мужчина... Как же продолжится род Великой Ли?» — мысли Фуаня были полны горечи.

Выйдя из Зала Великой Гармонии, он остановился под густой кроной кипариса. Помедлив, он зажмурился и едва слышно прошептал в пустоту:

— «Хуагунсань» уже в свечах. Через полчаса подействует.

Ветви дерева едва заметно качнулись. Фуань понял: его услышали.

Закончив дела, Ли Чжэн занес кисть над чистым листом, но чернила сорвались тяжелой каплей, расплываясь темным пятном. Он вздохнул и бросил испорченную бумагу в жаровню. Если завтра случится непоправимое, Се Чжэнь всё равно уйдет вслед за ним. Письма ничего не изменят.

Он снял верхнее платье и лег рядом. Се Чжэнь приоткрыл глаза, но, узнав Ли Чжэна, лишь что-то невнятно пробормотал и снова провалился в сон.

Император замер, любуясь им: тонкие губы, точеный нос, брови, прямые как лезвие меча. Он легонько поцеловал его. Ли Чжэн думал о том, что если не переживет завтрашний день, то оставит после себя лишь ворох признаний, которые так и не решился высказать вслух. Но Се Чжэнь, верный своей натуре, скорее всего, даже не дочитал бы их до конца.

«Когда всё закончится, нужно будет забрать его в пустынные степи Мобая, — грезил Ли Чжэн. — Он любит лошадей. Будем скакать по бескрайним лугам, пока не надоест, а потом упадем в траву, и я наконец-то скажу ему всё то, на что раньше не хватало смелости».

С этими сладкими мыслями он крепко обнял князя и уснул.

С первым криком петуха в покои вошел Фуань со свитой служанок. Се Чжэнь проснулся раньше Ли Чжэна. Внезапное осознание пустоты внутри, там, где раньше кипела внутренняя энергия, заставило его вздрогнуть. Заметив вошедших, он тут же отвел взгляд, скрывая смятение.

Ли Чжэн, проснувшись, быстро понял, что произошло. Се Чжэнь едва заметно сжал его ладонь под одеялом. Император сохранил ледяное спокойствие и, не подав виду, позволил слугам облачить себя в парадные одежды.

— Князь Се сегодня поедет со мной в одном паланкине. Подготовьте всё, и чтобы никакой небрежности. Постелите лишний слой шелковых одеял — князь нынче неважно себя чувствует. Если кто-то из вас сумеет сделать его поездку приятной, я щедро награжу.

Образ императора, ослепленного любовью к своему фавориту, заставил всех присутствующих замереть в изумлении. Даже сам Се Чжэнь невольно поднял взгляд.

— Чего застыли? Я стал слишком добр к вам, раз вы забыли о правилах? — Ли Чжэн холодно прищурился. Слуги тут же пали ниц, лепеча оправдания.

Отослав челядь, император пристально посмотрел на Фуаня. Тот покрылся холодным потом под этим тяжелым взглядом.

— Ты тоже иди. Когда всё будет готово, позовешь.

Евнух низко поклонился и попятился к дверям. Вытирая лоб, он чувствовал, что его жизнь висит на волоске. Он знал: яд «Хуагунсань» действует через полчаса после того, как дым свечей наполнит комнату. Император наверняка уже всё понял и, скорее всего, заподозрил именно его.

В пустом зале Ли Чжэн горько усмехнулся:

— Кто бы мог подумать, что руку приложит именно Фуань.

Оба они прекрасно умели читать по лицам. Страх евнуха выдавал его с головой. Десять лет верной службы перечеркнула тень Гун Фу.

— Похоже, на этот раз нам не избежать встречи с Янь-ваном, — Ли Чжэн взял гребень и начал медленно расчесывать длинные волосы Се Чжэня. — Раз уж в народе говорят, что я безумно влюблен в своего министра, то перед смертью я хотя бы позволю себе эту роскошь — открыто окружить тебя заботой.

— Раньше я только и делал, что злил тебя, дергая за эти волосы. Ни разу по-человечески не помог тебе собраться.

— Пусть это торжество станет для нас последним, но мы встретим его достойно. Мы — лицо этой империи.

Се Чжэнь слушал его болтовню, и, как ни странно, страх смерти отступил. На душе стало непривычно тихо. Глядя в зеркало на кривляющегося Ли Чжэна, он словно вернулся на десять лет назад. Тогда он был юным господином поместья Се, а Ли Чжэн — безродным попрошайкой.

«Мы уже подрались, теперь-то ты скажешь, как тебя зовут? Я — Ли Чжэн. "Ли" как рассвет, "Чжэн" как твердость кости».

«Се Чжэнь», — нехотя ответил маленький мальчик, похожий на нефритовую статуэтку.

«Се Чжэнь... "Чжэнь", как в слове сокровище?»

«"Чжэнь", как в слове совершенство!» — надулся ребенок. Сокровище? От такого обращения у него по коже пошли мурашки.

Маленький Ли Чжэн запомнил это имя навсегда. Для него Се Чжэнь всегда был единственным и самым ценным сокровищем.

В ночь великого десятилетия династии Великая Ли император был убит в своих покоях. Князь Се, не сумев защитить государя, покончил с собой, вонзив меч в собственное сердце.

<http://bllate.org/book/17571/1708382>